

чудес. Почему я в заключение и говорю, что так исполнились «Вечного... вельня» разума во свидетельство веры для тех, кто живет в наш век. И на этом, если брать ее буквальный смысл, заканчивается вторая часть второго раздела.

VIII.

Из всех проявлений Божественной премудрости человек – величайшее чудо: Божественная сила сочетала в нем три разные природы в единой форме, и тело его должно быть тонко сгармонировано, отвечая в пределах этой формы всем почти свойствам и способностям человека. Для должного соответствия стольких различных органов друг другу потребно большое согласие между ними; вот почему среди несметного количества людей встречаются лишь немногие совершенные. И ежели это творение действительно столь необычно, то, конечно, следует помнить, что рассуждать о его устройстве не только вслух, но и мысленно – опасно, от чего предостерегает вопрос Екклезиаста: «Кто проникал в премудрость Божью, предшествующую всем вещам», а также другие его слова: «Ты не будешь спрашивать о том, что выше тебя, и не будешь искать того, что сильнее тебя; но думай лишь о том, что Бог тебе приказал, и не любопытствуй познать другие Его творения». Итак, намереваясь говорить в настоящем, третьем, разделе о некоторых особенностях этого творения, связанных с тем, что очевидная красота благородной дамы является производным от благостности ее души, я приступаю к этому робко и неуверенно, стараясь если не полностью, то хотя бы частично распутать столь запутанный узел. Иначе говоря, после того как разъяснен смысл предыдущего раздела, где восхваляется душа благородной дамы, надлежит проследовать далее, к строкам, в которых, начиная со слов: «В ее явленье радость всех времен...» – я восхваляю ее тело. Я говорю, что в ее облике есть что-то от райских наслаждений. Среди же всех прочих наслаждений – самое благородное то, которое есть начало и конец всех остальных, а именно удовлетворенность, то есть блаженство; и это наслаждение действительно заключено в облике благородной дамы. Взирая на нее, люди испытывают удовлетворение, настолько краса ее радует взор; однако сладостное наслаждение перед зрелищем этой красоты отличается от райских наслаждений, которые вечны.

Полагая, что меня могли бы спросить, где именно в благородной даме явлен источник этого чудесного наслаждения, я различаю в ее особе две части, в которых то, что нравится или не нравится людям, проявляется наиболее отчетливо. При этом надо помнить, что душа проявляет себя в наибольшей степени и с наибольшей тонкостью в той части, которую более упорно старается украсить, – в человеческом лице, там, где деятельность души отражается живее, чем в любом другом месте; и благодаря исключительной тонкости ее проявлений, какую только позволяет ей собственная материальная оболочка, ни одно лицо на другое не похоже, ибо именно в этом месте сказываются предельные возможности материи, которые почти у всех различны. А так как душа особенно отражается в глазах и в устах – поскольку в этих двух местах проявляются почти полностью все три природы души, – она их по преимуществу и украшает, прилагая все усилия к тому, чтобы сделать их красивыми. Эта два места и есть источники названных наслаждений, как явствует из текста канцоны: «На очи и уста ее взирая...» Пользуясь прекрасным сравнением, можно оба эти места назвать балконами дамы, обитающей в здании тела, то есть балконами души; ибо именно здесь она часто предстает нам как бы сквозь прозрачное покрывало. Мы видим ее в очах дамы настолько явственно, что всякий должным образом в нее вглядывающийся, может распознать то чувство, которым она в это время охвачена. Посему, поскольку человеческой душе свойственны шесть чувств, о которых упоминает Философ в своей «Риторике», а именно благодарность, преданность, жалость, зависть, любовь и стыд, душа ни одним из них не может быть охвачена без того, чтобы образ этого чувства не появился в окне очей, – если только это чувство, с его великой силой, не замкнется внутри. Ведь нашелся же человек, вырвавший у себя глаза, чтобы внутренний его позор не проявился наружу, как об этом сообщает поэт Стаций, говоря о фиванце Эдипе: «Он в вечной ночи растворил проклятие своего позора». Страсть бывает видна и на устах, словно цвет предмета сквозь стекло. И смех не есть ли вспышка душевной радости, отражение того, что происходит внутри? Потому-то мужчине и подобает оставаться сдержанным, когда на душе у него радостно: умеренно смеяться, соблюдая благопристойную серьезность и ограничивая движения своего лица; женщина же, поступая таким образом, будет